

Научная статья

УДК 82

DOI: 10.20323/2499-9679-2024-2-37-34

EDN: EFRPMF

Жанр святочного рассказа в малой прозе А. Варламова и О. Павлова

Любовь Геннадьевна Кихней^{1✉}, Ольга Алексеевна Сысоева²

¹Доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой истории журналистики и литературы, Московский университет имени А. С. Грибоедова. 111024, г. Москва, ш. Энтузиастов, д. 21

²Кандидат филологических наук, доцент высшей школы русской филологии, Тихоокеанский государственный университет. 680035, г. Хабаровск, ул. Тихоокеанская, д. 136

¹lgkihney@yandex.ru ✉, <https://orcid.org/0000-0003-0342-7125>

²helgats@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-8512-8462>

Аннотация. В статье исследуются эволюционные возможности и трансформации литературного жанра – на примере святочного рассказа, показывается способность писателя, отталкивающегося от предшествующего жанрового канона, воплощать замысел в новых жанровых вариациях, но при этом использовать накопленный опыт, сохраненный в культурной памяти.

Объект анализа – святочный рассказ 1990-х годов, представленный двумя значимыми художественными текстами – рассказом А. Варламова «Сочельник» и рассказом О. Павлова «Конец века». Художественные миры этих произведений, сконструированные современными прозаиками, рассматриваются сквозь призму миромоделирующих категорий. Выявляется сходство и различие рассказов на разных уровнях художественной семантики: мотивики и проблематики, системы образов, трансформации художественного пространства и времени.

На основании сравнительно-типологического исследования делаются выводы об отражении в рассказах мировоззренческих позиций авторов и об их соотношении. В результате проведенного анализа сделаны выводы об особенностях преломления жанровой традиции святочного рассказа. Установлено, что в рассказе А. Варламова мы видим особую миромодель, построенную по принципу антитезы тьмы и света, холода и тепла, дома и не-дома; в тексте О. Павлова противостояние достигает своего апогея, так как все пространство рассказа показано как однозначно «враждебное», «чужое» по отношению к людям. В рассказе Варламова микромир, обозначенный координатами зима, город, квартира, сочельник, расширяется до охвата России и истории XX века; у О. Павлова миромоделирующие координаты расширяются до онтологических. В текстах двух авторов через святочную тему репрезентируются мотивы мытарства, жизни и смерти. На примере работы писателей с каноном святочного рассказа видно, как жанр выступает в роли «стабилизирующего фактора» литературного творчества, но в обоих рассказах авторы привносят свое философско-художественное наполнение.

Ключевые слова: жанр; святочный рассказ; А. Варламов; О. Павлов; миромоделирование; пространство; канон

Для цитирования: Кихней Л. Г., Сысоева О. А. Жанр святочного рассказа в малой прозе А. Варламова и О. Павлова // Верхневолжский филологический вестник. 2024. № 2 (37). С. 34–41. <http://dx.doi.org/10.20323/2499-9679-2024-2-37-34>. <https://elibrary.ru/EFRPMF>

Original article

The christmas story genre in A. Varlamov's and O. Pavlov's short prose

Lubov G. Kikhney^{1✉}, Olga A. Sysoeva²

¹Doctor of philological sciences, professor, head of the department of the history of journalism and literature, A. S. Griboyedov Moscow university. 111024, Moscow, shosse Entuziastov, 21

²Candidate of philological sciences, associate professor, Higher school of russian philology, Pacific state university. 680035, Khabarovsk, Tikhookeanskaya str., 136

¹lgkihney@yandex.ru ✉, <https://orcid.org/0000-0003-0342-7125>

²helgats@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-8512-8462>

Abstract. The author of the article studies the possibilities of a literary genre to evolve and transform, and, using the example of the christmas story genre, shows the ability of a writer, to realize the idea in new genre variations, but at the same time to use the previous experience kept in the cultural memory.

The object of the analysis is the christmas story of the 1990s in the two significant literary texts – A. Varlamov's short story Christmas Eve and O. Pavlov's short story The End of the Century. The artistic worlds of these works, constructed by modern prose writers, are viewed through the prism of world-modeling categories. The article shows similarity and difference of the stories at different semantic levels: motives and problematic, image systems and transformations of artistic space and time.

Basing on the comparative-typological study, the author draws some conclusions about the writers' worldview reflected in the stories and about their correlation. The analysis leads to the conclusions about the peculiarities of interpreting the genre tradition of the christmas story. In Varlamov's story there is a special world model built on the principle of antithesis between darkness and light, cold and warmth, home and non-home; whereas in O. Pavlov's text the confrontation reaches its climax, as the entire space of the story is shown as unambiguously «hostile», «alien» to people. In Varlamov's story, the microcosm designated by the winter, city, apartment and Christmas Eve coordinates expands to encompass Russia and the history of the XX century; while in O. Pavlov's story, the world-modeling coordinates expand to be ontological ones. In the texts of the two writers, the motives of ordeal, life and death are represented through the christmas theme. The example of the writers' work with the canon of the Christmas story shows how the genre acts as a «stabilizing factor» of literary creativity, but in both stories the authors introduce their own philosophical and artistic content.

Key words: genre; christmas story; A. Varlamov; O. Pavlov; micro-modeling; space; canon

For citation: Kikhnei L. G., Sysoeva O. A. The christmas story genre in A. Varlamov's and O. Pavlov's short prose. *Verhnevolzhski philological bulletin*. 2024;(2):34–41. (In Russ.). <http://dx.doi.org/10.20323/2499-9679-2024-2-37-34>. <https://elibrary.ru/EFRPMF>

Введение

Жанровый анализ художественного текста предполагает обращение к ряду понятий, которые входят в терминологическое поле жанра. В первую очередь это понятия «первичного» и «вторичного» жанров, их разграничение помогает прояснить саму природу художественного высказывания, выявить взаимоотношения языка и мировоззрения [Бахтин, 1986, с. 252–253]. Следующий аспект жанровой теории – это эволюционные возможности жанра, способность художника, отталкивающегося от некоего жанрового канона, воплощать замысел в новых жанровых вариациях, при этом использовать накопленный опыт предшествующих поколений. На это указывали многие теоретики литературы, например, М. М. Бахтин в этой связи замечает: «Литературный жанр по самой своей природе отражает наиболее устойчивые, «вековечные» тенденции развития литературы»; в нем «всегда сохраняются не умирающие элементы архаики» [Бахтин, 1979, с. 178]. При этом в жанровой структуре возникают и новые составляющие, жанр неизменно трансформируется: «живет настоящим, но всегда помнит свое прошлое, свое начало» [Бахтин, 1979, с. 179]. Жанровый канон становится своеобразным знаком литературной традиции [Стенник, 1974, с. 173–175, 189].

Литература XX и XXI века дает возможность говорить о постоянном обновлении жанровой традиции. Таким примером обновления жанро-

вой традиции становится святочный рассказ – устойчивый, канонический жанр, существующий в русской литературе не одно столетие, яркий «представитель творческой памяти в процессе литературного развития» [Бахтин, 1979, с. 179]. Действительно, в литературе конца XX века наблюдаются интересные и напряженные поиски, эксперименты, в том числе и в области жанра, стиля, новых художественных решений. «Девяностые годы – это время практически реализованного многообразия литературного процесса, связанного ... с жанровым, стилевым и направленческим разъединением, то есть с претворением в жизнь своеобразного „культурного многоязычия“» [Абашева, 2001, с. 29].

Н. С. Базылева предлагает выделить следующие этапы развития русской святочной прозы: «начало XIX века... – развитие в русле романтических традиций (В. А. Жуковский, Н. В. Гоголь), вторая половина XIX века – период становления и оформления литературного жанра (святочная проза Н. С. Лескова, Ф. М. Достоевского, А. П. Чехова), конец XIX – начало XX века – размывание границ жанра, поиск новых путей его развития (рассказы А. И. Куприна, Л. Андреева), 1917–1990-е годы – кризис жанра, утрата христианского мироощущения, преобладание новогодней тематики («Даня» В. Белова, «Чук и Гек» А. Гайдара, «Танина елка» Л. Воронковой), с середины 1990-х годов XX века – возрождение жанра» [Базылева, 2016, с. 1].

Как мы видим, в конце XX века наблюдается возрождение календарной прозы, то есть приуроченной к церковной календарной системе, обладающей содержанием, связанным с праздничной обрядностью. Уже в декабре 1990-го года Рождество стало нерабочим днем. В это же время жанр святочного рассказа возвращает утраченную в советское время популярность. Так, в 1991 году выходит первый после долгого перерыва сборник «Рождественские истории», где в предисловии отмечено, что это издание «возрождает давно забытую традицию... – дает ребенку первые представления об основах христианской морали, о добре и милосердии» [Рождественские истории, 1991, с. 3].

Жанровый канон святочного рассказа получает развитие в творчестве писателей конца XX – начала XXI века. В структурной основе данной жанровой формы находится архетип чуда. Он становится константным сюжетным центром. Важными особенностями, согласно концепции И. А. Есаулова, становятся мотивы «самовольного изменения судьбы», «самоутверждения в земной жизни, которое становится важнее духовного спасения», а также «карнавальная» игры [Есаулов, 2004, с. 69–70].

Святочный рассказ продолжает привлекать внимание исследователей. Встречаются работы обобщающего характера, в которых авторы пытаются установить жанровые границы [Старыгина, 1992] и определить особенности поэтики [Шишкина, 2022], наибольшее количество работ посвящено авторам XIX века и начала XX века: Д. Н. Мамину-Сибиряку [Зырянов, 2023], Н. С. Лескову [Старыгина, 2020; Картузова, 2021], И. А. Бунину [Бердникова, 2020; Богданова, 2023], А. П. Чехову [Кубасов, 2022; Иваньшина, 2021], Л. Андрееву [Лебедева, 2021] и другим. Особенности существования жанра святочного рассказа в современной литературе также привлекают внимание исследователей [Ковтун, Бурылова, 2023; Гаврилина, 2023].

Анализируя художественную специфику святочных рассказов 1990-х годов, следует учитывать эволюцию, связанную с усилением реалистических тенденций, «нового автобиографизма» (положение Т. О. Личмановой). Так, именно под их влиянием композиция текстов трансформируется в показ жизненных реалий. Ряд писателей (А. Варламов, О. Павлов, А. Кабаков, В. Токарева) обращаются к историям, происходящим с обычными людьми, но проблема выбора между

добром и злом сохраняется в качестве основного конфликта.

Для иллюстрации идеи об эволюции жанрового канона святочного рассказа обратимся к произведениям А. Варламова «Сочельник» (1992) и О. Павлова «Конец века» (1996). В центре первого – устойчивый диккенсовский образ богача-мизантропа, представляющего тип «человека меняющегося», под влиянием воздействия определенных внешних или внутренних сил. Второй показывает героя-страдающего, которого можно условно соотнести с традицией Г. Х. Андерсена («Девочка со спичками») и Ф. М. Достоевского («Мальчик у Христа на елке»).

Результаты исследования

Связь с православной традицией и календарем отмечали исследователи прозы Варламова: «В прозе Варламова важные события в жизни героев связаны с церковным календарем и значат необходимость преображения, очищения. Наличие церковных дат помогает героям преодолеть кризисные состояния, помогает осознать и понять цель своего жизненного пути. Во всех произведениях А. Варламов изображает кризисную точку в духовной и физической жизни героя, преодолевая которую, герой либо перерождается, либо погибает» [Аванесян, 2018, с. 106].

А. Варламов в своем рассказе решает вопрос о трагичности судьбы человека, реализуя особую миромодель, построенную по принципу антитезы тьмы и света, холода и тепла, дома и не дома. Но каждая из антитез наполняется в рассказе индивидуальным, неклассическим смыслом. Мир в рассказе поделен на два полюса, которые условно разделены трагическим временем войны, ставшей переломным моментом в судьбе старика, а потом поделив его существование надвое: жизнь без страха и жизнь, наполненную ужасом и мутным ожиданием чуда.

Основополагающей пространственной антитезой в рассказе является «свое – чужое», которая реализуется как «дом – не дом», при этом «свое» (мирное в традиционной картине мира) и «чужое» (как правило враждебное герою) в тексте получают иную реализацию. В начале рассказа пространство «не дома» – это московская мглистая улица: «По темной, еще не дождавшейся рассвета московской улице, по мокрому снегу вперемешку с водой, занимая полтротуара, опираясь на палку и тяжело дыша, двигался, как оползень, громадный старик в древнем кожаном

пальто на меху и изъеденной молью песцовой шапке» [Варламов]. Это пространство герою недружелюбно: тревожное ожидание открытия газетного киоска лишь на мгновение прерывается тенью воспоминания о былом и возможном («он чувствовал себя совсем иначе, чем час назад, с жадностью смотрел по сторонам, отчетливо, как в молодости, слышал звуки и запахи улицы, его обострившееся сознание отмечало все до мелочей, он заглядывался на хорошеньких женщин и ловил себя на почти забытом ощущении, как было бы ему приятно, если бы кто-нибудь из них обратил на него внимание и сел рядом» [Варламов]), но тут же затмевается чувством мутного ожидания, в котором проходит жизнь старика на протяжении последних почти 50 лет (отметим, что биографическое время в рассказе заменено временем историческим, которое отмеряет вехи жизни героя).

Пространство дома еще менее дружелюбно герою: это захлавленная квартира, неудобная, темная, полная тайников, в которых хранятся даже не столько облигации, сколько мечты старика о мести. Отношение старика к облигациям проявляет код рождественского рассказа Диккенса. Так же, как и Эбинизер Скрудж в «Рождественской песне» («Нет справедливости на земле! – молвил Скрудж. – Беспощаднее всего казнят свет бедность ...») [Диккенс], старик ищет некой справедливости, которую могут, по его мнению, восстановить деньги: «Кроме этих облигаций и способа добыть деньги, чтобы обратиться их в новые облигации, ничто его не интересовало – он жил одиноко, и вся его жизнь проходила в каком-то странном полусне-полубодствования, хотя когда-то она была совсем иной, но было это так давно и так непохоже на его нынешнее состояние, что казалось ему, будто все то случилось с другим человеком» [Варламов].

С пространством «не дома» связано и пребывание старика и его семьи в эвакуации во время войны: «Чужая изба при сельской школе, дурная пища, холод, тараканы, скука, и даже на улицу выйти было неприятно ... и большую часть времени старик сидел в избе возле печи и вспоминал» [Варламов]. Лишился старик своего «дома», вернувшись из эвакуации, потому что вторая жена «не смогла отстоять квартиру, куда вселилась грозившая доносами еврейская семья, и им пришлось жить вшестером в маленькой комнате: он, две женщины и трое детей». Пространством, реализующим категорию «свое», становится

условное ментальное пространство воспоминаний, связанных с Рождеством и той самой елкой, символом ушедшей юности, которая кажется старику единственно счастливым временем в его жизни: «Он вспоминал Рождество, громадную елку в жарко натопленной сверкающей зале, вальс из „Щелкунчика“, женские платья и туфельки и стыдливую, подарившую ему первые ласки любви гувернантку – белокурую немку с таинственным именем Лотта» [Варламов]. Обращает внимание на «святочный» мотив, отсылающий к новелле Гофмана, связанный с мотивом переодевания / карнавальности: «чистая» любовь Лотты, которая оказывается оплаченной отцом героя, игра музыкантши детям, которые еще не понимают, что эта женщина разрушила брак их родителей и т. д.

Важной смысловой частью рассказа являются сумрак и холод, настигший героя во время войны и сопровождающий его на протяжении последующей жизни, и только свет и тепло дореволюционного дома старика («в жарко натопленной сверкающей зале») резко противопоставляются этому холоду в конце рассказа. Елка, случайно оказавшаяся у старика, становится вестником из прошлого: «трогал иголки и вспоминал». Воспоминания эти показывают читателю любовь, которая была у старика, и произошедший с ним слом, его мгновенное погружение в отчаяние и холод, которые иногда оттесняются мыслью о выигрыше, который поможет то ли наладить жизнь, то ли отомстить стране и тем, кто эту жизнь погубил.

В этой связи важно отметить еще одно наполнение антитезы «свое – чужое»: национальное и государственное. Для старика не существует патриотических чувств к тому государству, в котором он живет: «Как же не похожа была эта война с белокурами немцами на ту, что он помнил юношей, и если тогда ему хотелось пусть уж не прямо на фронт, но хоть какую-то лепту внести в защиту Отечества от нашествия иноплемеников, и в благородном порыве было отказано от дома Лотте, то теперь стало все равно, и лишь одно желание им владело: скорей бы все это кончилось, так или иначе, те победят или другие, но он вернется к прежней жизни» [Варламов]. Для его сознания, сломленного войной и последующими за ней невзгодами, важной становится не сама жизнь в этой стране и обществе, а стремление отомстить «воровской власти». И в момент предсмертного прозрения также подчеркивается внутренняя чуждость конкретно этого

времени в истории страны, которую герой в своем сознании ассоциирует только с властью: «Безбожная, подлая власть, построившая никому не нужные заводы, каналы и электростанции, запустившая в измученный космос десятки улыбающихся гагариных, построившая дачи и особняки там, где стояло его имение, сделала это все на те деньги, что он щедро и безрассудно ей отдал, а ему оставила захламленную квартиру, одиночество и пустоту» [Варламов]. Так, очевидно, что в противопоставлении «свое – чужое» отражена идея об идеальности и правильности дореволюционной жизни, и негативном отношении к Советскому Союзу.

Своего рода символом, связующим в сознании старика прошлое и настоящее, становится елка: «И вдруг мучительно, сильнее даже, чем выиграть, захотелось ему, чтобы все воскресло и повторилось, чтобы снова была наряжена и сверкала огнями елка». Именно она пробуждает потухшее сознание героя, рождая воспоминания. Нарядить ее и отправить в полет голубков, сделанных из облигаций, – вот последнее дело, которое успевает сделать старик перед смертью. Возвращение героя в прошлое – это своеобразная временная и пространственная метаморфоза, свойственная для любого церковного праздника, во время которого повторяющиеся события священной истории переживаются как будто заново: все радуются рождению Христа, зная, что произойдет дальше.

Как видим, канон жанра святочного рассказа успешно реализован в рассказе А. Варламова. Главный герой умирает, хотя перед смертью чувствует себя счастливым, освободившись от груза «облигаций», как будто вернувшись в счастливую юность, символом которой становится немка-гувернантка Лотта, чистая и юная, как и сам герой когда-то. Рассказ завершается погружением героя в сон. Путь героя по маршруту не-дом – дом – сон оказывается движением не в пространстве, а во времени, в этот последний день герой вспоминает свою жизнь, испытывает преобразование, и проваливается в сон-смерть.

Важным, обращающим на себя внимание аспектом является безымянность всех героев рассказа: старик, первая жена, музыкантша, вдова генерала, старший сын, дочь. Место эвакуации тоже не названо, хотя имплицитно проявлена Москва. Время, как уже было сказано, лишено биографизма, очевидно только, что старик прожил долгую жизнь, застав на своем веку и рево-

люцию, и войну, и оттепель, и перестройку, когда «люди стали шальные».

Рассмотрим, как представлен второй вариант святочного рассказа в малой прозе О. Павлова. Композиционная структура и образная система рассказа «Конец века» (1996) соответствуют традиционной жанровой форме, но в нем отмечаются концептуальные трансформации на идейном уровне, которые позволяют его классифицировать как модификацию святочного рассказа, инвариант 1990-х годов. Обратим внимание на авторское жанровое определение – «соборный рассказ», которое явно отсылает к категории соборности, понимаемой, вслед за А. С. Хомяковым и И. А. Есауловым, как «единство... органическое, живое начало которого есть божественная благодать взаимной любви», присущее всей русской литературе [Есаулов, 2001, с. 282].

На первый взгляд, в рассказе представлена типичная история, которая вписывается в каноны жанра, в первую очередь, структурным решением и особенностями хронотопа. При этом с мотивом рождения (Рождества) в пространстве рассказа оказывается тесно связан мотив смерти: «Рождество было или не Рождество, но праздник этот признавался как государственный... Стопилось праздников, будто справляли старого года *похороны*» [Павлов, 2020, с. 173]. Именно эти образы (жизни-смерти) открывают рассказ, они же и завершают его: «Когда после праздников заработала и приехала труповозка, то не обнаружили тела неизвестного» [Павлов, 2020, с. 185]. Тем самым создается кольцевая «рождественско-пасхальная» композиция, которая определяется еще в эпиграфе, взятом из Евангелия от Матфея. Именно сюжет незнания Христа в «меньшем» становится центральным в рассказе, а кульминацией – Его распятие («Он лежал ... так глубоко и убито, будто висел, приколотенный к ней гвоздями» [Павлов, 2020, с. 182]), смерть и воскресение. И. И. Плеханова совершенно справедливо указывает основные сюжетные элементы «явления Христа»: «поругание (избиение охранника-ми), ... предательство врача – Иуды – Пилата, обрекшего на смерть, и крест – и только санитарка Антонина, как евангельский сотник, свидетельствовала, кто же это был в действительности, но свидетельствовала немо – даже не мыслями, но поведением» [Плеханова, 2005, с. 142].

Портрет неизвестного создается в помощью контраста, в его описании доминируют два цвета «черный» и «белый»: «чесотка сделала его кожу одной темнотой, и только лицо да руки были ре-

жущей белизны, красоты» [Павлов, 2020, с. 181], Антонина с помощью «струи белого пара» силится отмыть «тлеющую грязь», но обнаруживает, что «черные пятна были раны». Наконец, в финале рассказа от героя остается только «белая, в темнотах мертвецкого пота, простыня», лежащая на «светлой бетонной лавке» в темной «пещере морга». Подобная монохромность выделяется еще и на фоне подробного рассказа о больницы традиции помечать казенные вещами разными цветами: «на кастрюлях пищеблока малевали номерняки ... кроваво-красной краской; на синих казенных пижамах вытравили учетные номера хлоркой..., а трупы метили зеленкой» [Павлов, 2020, с. 184]. Только после смерти этот «цветной» мир пытается отметить героя, но тот таинственно исчезает.

На уровне композиции героев четко проявляется константная оппозиция социальный / асоциальный и устанавливается хронотоп Рождества в большом городе, разделенном на людей «нормальных» и «ненормальных»: «Людей этих называют бомжами. Живут они воровством, попрошайничая, а то и как зверье на помойках» [Павлов, 2020, с. 173]. Евангельский подтекст четко показывает, что «нормальный» мир – это фикция, обман, духовно-нравственная омертвимость.

Одним из важнейших архетипов святочного рассказа исследователи считают образ праведника / мученика, который, несомненно, связан с архетипом «не дома», мотивом вечного странствования. Все обездоленные герои рождественских историй мечтают о теплом доме, где их ждут родные люди. О. Павлов в рассказе «Конец века» показывает только казенное пространство (больница, морг, улица), которое чуждо по отношению к любому человеку. В центре же повествования люди, которые и вовсе лишены дома как такового: «Все дело в том, что у этих людей нет жилья. А раз нет жилья, то нет и прописки с паспортом... И гонимый голодом, холодом, беспросветной угрозой побоев от милиции да и от всякого загулявшего молодца, ты и выживаешь, как можешь, до самой смерти» [Павлов, 2020, с. 174].

К общей смысловой части произведений данного жанра следует отнести и мотив холода. Холод убивает героев святочных рассказов Андерсена и Достоевского, он же главенствует в рождественской Москве в рассказе О. Павлова: «Было дремотно от жгучих морозов, белым-бело, и долготу дня утопляли болотисто-морозные белые ночи» [Павлов, 2020, с. 173]. Доставленного

в больницу бомжа проверяют на крепость холодом: «Мороз сковал комнатку, и сколько-то прошло времени, даже мешок тот из полиэтилена, чудилось, оледенел. Доктор звонил, проверяя, но обнаружилось, что мешок все еще присутствует в больнице и сам от холода не ушел» [Павлов, 2020, с. 178]. И только с появлением санитарки Антонины в пространстве текста появляется долгожданное тепло: «Вода, которую пустила баба, как на морозе, дышала паром, но Антонина ... переживала, ... что лился кипятком вместо горячей» [Павлов, 2020, с. 179]. Вместе с физическим теплом связывается и душевное: Антонина – единственный персонаж, которому автор дает имя. Остальные герои так и остаются «молоденькой растрепанной врачихой», «растерянным водителем», «усталым дежурным доктором», «пьяными охранниками», «гундосой санитаркой» и прочим «народцем», который так не увидел в бомже человека.

Заключение

Если в рассказе А. Варламова мы видим особую миромодель, построенную по принципу антитезы тьмы и света, холода и тепла, дома и не-дома, то в тексте О. Павлова противостояние достигает своего апогея. Все пространство рассказа показано как однозначно «враждебное», «чужое» по отношению к людям. В рассказе Варламова микромир, обозначенный координатами зима, город, квартира, сочельник, расширяется до охвата России, история, XX век; у О. Павлова миромоделирующие координаты расширяются до бытийных. И в том и в другом рассказе миры соприкасаются через судьбу одного человека, безымянных стариков. Как видим, у Варламова на небольшом пространстве рассказа уместилось описание жизни, которая могла бы быть счастливой, но оказалась сломана ходом истории трагического XX века. Павлов же ставит своей задачей показать общий духовный фон XX века, что делает его рассказ близким к притче. В текстах двух авторов через святочную тему репрезентируются мотивы мытарства, жизни и смерти.

На примере святочного рассказа конца XX века можно увидеть как меняется жанровый канон, соотносясь с культурной ситуацией. Авторская установка реализуется в конкретных приемах работы с жизненным и словесным материалом. При сохранении каноничной формы и содержательных элементов (действие происходит в России 1990-х годов, приурочено к праздникам, с героем происходят чудеса, которые предопреде-

ляют душевную метаморфозу с ним или его окружением) можно наблюдать неполное следование образцу. Поэтому несмотря на причастность жанровой традиции и даже узнаваемость некоторых приемов авторов предшествующих эпох (Диккенса, Андерсена, Достоевского), реализуется установка на реально-жизненное, историческое наполнение жанровой традиции. В рамках одних и тех же жанровых координат авторами создаются произведения, с одной стороны, с ярким притчевым апокрифическим началом (соприкосновение повседневной жизни со священной историей), а с другой – рассказ о жизни человека, заставшего все трагические события истории России в XX веке.

На примере работы писателей с каноническим святочного рассказа видно, как жанр выступает в роли «стабилизирующего фактора» литературного творчества, но в обоих рассказах авторы вносят свое наполнение.

Библиографический список

1. Абашева М. П. Литература в поисках лица (русская проза в конце XX века: становление авторской идентичности). Пермь : Изд-во Перм. унта, 2001. 320 с.
2. Аванесян И. Б. Символика православного календаря в творчестве А. Варламова // Научный диалог. 2018. № 7. С. 104–113.
3. Базылева Н. С., Жукова А. А., Цивенко Н. Б. Эволюция жанра «рождественский рассказ» // Юный ученый. 2016. № 6 (9). С. 1–4.
4. Бахтин М. М. Проблемы поэтики. Достоевского. Москва : Советская Россия, 1979. 318 с.
5. Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества. Москва : Искусство, 1986. 445 с.
6. Бердникова О. А. Рождественский сюжет и его модификации в прозе И.А. Бунина // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Филология. Журналистика. 2020. № 4. С. 8–12.
7. Богданова О. В., Лю М. Ностальгический подтекст рассказа Ивана Бунина «Святочный вечер» // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2023. Т. 16, № 1. С. 17–23.
8. Варламов А. Сочельник. URL: <https://azbyka.ru/fiction/mariya-i-vera-aleksej-varlamov/> (дата обращения: 10.02.2024).
9. Гаврилина О. В. Жанр святочного (Рождественского) рассказа в современной Отечественной прозе // Национальный стиль русской литературной классики: Материалы VIII Межвузовской научно-практической конференции, Москва, 07 апреля 2022 года. Москва : Московский городской педагогический университет, 2023. С. 149–159.
10. Диккенс Ч. Рождественская песнь в прозе. URL: <https://azbyka.ru/fiction/rozhdestvenskie-povesti/> (дата обращения: 16.12.2023).
11. Есаулов И.А. Пасхальность русской словесности. Москва : Круг, 2004. 560 с.
12. Зырянов О. В. Футурологический аспект святочного нарратива Д. Н. Мамина-Сибиряка // Филологический класс. 2023. Т. 28, № 1. С. 29–43.
13. Иванышина Е. А. Колесо фабулы и движение сюжета: как работает мотивный комплекс у А. П. Чехова // Вестник Удмуртского университета. Серия История и филология. 2021. Т. 31, № 3. С. 543–550.
14. Картузова М. В. А. П. Чехов и Н. С. Лесков: к вопросу о творческих связях // Мир науки, культуры, образования. 2021. № 1(86). С. 337–339.
15. Ковтун Н. В., Бурьлова А. В. Трансформация женских образов в жанре рождественского рассказа: от традиционалистской прозы к текстам XXI в // Сибирский филологический форум. 2023. № 3(24). С. 25–36.
16. Кубасов А. В. Рассказы «В рождественскую ночь» А. П. Чехова и «Ночной трезвон» его брата Александра: проблема творческой полемики // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2022. № 77. С. 210–221.
17. Лебедева В. Ю. В. Набоков и Л. Андреев: точки пересечения // Филологос. 2021. № 4(51). С. 32–38.
18. Павлов О. О. Конец века // Отчет времени обратный: посмертное издание. Москва : Время, 2020. С. 173–185.
19. Плеханова И. И. Игра антиномиями в рассказе рубежа веков: судьба жанра в литературном процессе: Сборник научных статей. Иркутск : Ирк.гос.ун-т., 2005. 257 с.
20. Полева Е. А. Рассказ А. А. Солоницына «Маленькой ёлочке холодно зимой» в контексте традиции святочной прозы // Вестник Бурятского государственного университета. Филология. 2021. № 2. С. 31–37.
21. Рождественские истории: самые разные художники – самым хорошим детям. Минск : Полифакт, 1991. 56 с.
22. Старыгина Н. Н. Святочный рассказ как жанр // Проблемы исторической поэтики. 1992. № 2. С. 113–127.
23. Старыгина Н. Н. Христианская семантика рассказа «Христос в гостях у мужика» Н. С. Лескова // Проблемы исторической поэтики. 2020. Т. 18, № 2. С. 238–259.
24. Стенник Ю. В. Системы жанров в историко-литературном процессе // Историко-литературный процесс: Проблемы и методы изучения. Ленинград : Наука, 1974. С. 168–202.
25. Шишкина И. Е. О календарно-духовной литературе и ее жанровых разновидностях // Восточнославянская филология. Литературоведение. 2022. № 14(38). С. 78–87.

Reference list

1. Abasheva M. P. Literatura v poiskah lica (russkaja proza v konce XX veka: stanovlenie avtorskoj identichnosti) = Literature in search of a personality (Russian prose at the end of the XX century: forming authorial identity). Perm' : Izd-vo Perm. unta, 2001. 320 s.

2. Avanesjan I. B. Simvolika pravoslavnogo kalendarja v tvorcestve A. Varlamova = Orthodox calendar symbolism in A. Varlamov's work // Nauchnyj dialog. 2018. № 7. S. 104–113.
3. Bazyleva N. S., Zhukova A. A., Civenko N. B. Jev-oljucija zhanra «rozhdstvenskij rasskaz» = The evolution of the Christmas story genre // Junyj uchenyj. 2016. № 6 (9). S. 1–4.
4. Bahtin M. M. Problemy pojetiki Dostoevskogo = Problems of Dostoevsky's poetics. Moskva : Sovetskaja Rossija, 1979. 318 s.
5. Bahtin M. M. Jestetika slovesnogo tvorcestva = Aesthetics of verbal art. Moskva : Iskusstvo, 1986. 445 s.
6. Berdnikova O. A. Rozhdstvenskij sjuzhet i ego modifikacii v proze I. A. Bunina = Christmas plot and its modification in I. A. Bunin's prose // Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Serija: Filologija. Zhurnalistika. 2020. № 4. S. 8–12.
7. Bogdanova O. V., Lju M. Nostal'gicheskij podtekst rasskaza Ivana Bunina «Svjatochnyj vecher» = The nostalgic subtext of Ivan Bunin's story «Holy Night» // Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki. 2023. T. 16, № 1. S. 17–23.
8. Varlamov A. Sochel'nik = Christmas Eve. URL: <https://azbyka.ru/fiction/mariya-i-vera-aleksej-varlamov/> (data obrashhenija: 10.02.2024).
9. Gavrilina O. V. Zhanr svjatochnogo (Rozhdstvenskogo) rasskaza v sovremennoj Otechestvennoj proze = The genre of the holly (Christmas) story in contemporary Russian prose // Nacional'nyj stil' russkoj literaturnoj klassiki: Materialy VIII Mezhvuzovskoj nauchno-prakticheskoj konferencii, Moskva, 07 aprelja 2022 goda. Moskva : Moskovskij gorodskoj pedagogicheskij universitet, 2023. S. 149–159.
10. Dikens Ch. Rozhdstvenskaja pesn' v proze = A Christmas Carol in Prose. URL: <https://azbyka.ru/fiction/rozhdstvenskie-povesti/> (data obrashhenija: 16.12.2023).
11. Esaulov I. A. Pashal'nost' russkoj slovesnosti = Easter in Russian literature. Moskva : Krug#, 2004. 560 s.
12. Zyrjanov O. V. Futurologicheskij aspekt svjatochnogo narrativa D. N. Mamina-Sibirjaka = Futurological aspect of D. N. Mamin-Sibiryak's Christmas narrative // Filologicheskij klass. 2023. T. 28, № 1. S. 29–43.
13. Ivan'shina E. A. Koleso fabuly i dvizhenie sjuzheta: kak rabotaet motivnyj kompleks u A. P. Chehova = The wheel of the plot and its development: how A. P. Chekhov's motive complex works // Vestnik Udmurtskogo universiteta. Serija Istorija i filologija. 2021. T. 31, № 3. S. 543–550.
14. Kartuzova M. V. A. P. Chehov i N. S. Leskov: k voprosu o tvorcheskih svjazjah = A. P. Chekhov and N. S. Leskov: towards the creative relationship // Mir nauki, kul'tury, obrazovanija. 2021. № 1(86). S. 337–339.
15. Kovtun N. V., Burylova A. V. Transformacija zhenskikh obrazov v zhanre rozhdstvenskogo rasskaza: ot tradicionalistskoj prozy k tekstam XXI v. = Female images transformation in the Christmas story genre: from traditionalist prose to XXI century texts // Sibirskij filologicheskij forum. 2023. № 3(24). S. 25–36.
16. Kubasov A. V. Rasskazy «V rozhdstvenskiju noch'» A. P. Chehova i «Nochnoj trezvon» ego brata Aleksandra: problema tvorcheskoj polemiki = A. P. Chekhov's story «On Christmas Night» and his brother Alexander's «Night Ringing»: the problem of creative polemics // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologija. 2022. № 77. S. 210–221.
17. Lebedeva V. Ju. V. Nabokov i L. Andreev: točki peresechenija = V. Nabokov and L. Andreev: points of intersection // Filologos. 2021. № 4(51). S. 32–38.
18. Pavlov O. O. Konec veka = The end of the century // Otchet vremeni obratnyj: posmertnoe izdanie. Moskva : Vremja, 2020. S. 173–185.
19. Plehanova I. I. Igra antinomijami v rasskaze rubezha vekov: sud'ba zhanra v literaturnom processe = The play of antinomies in the turn-of-the-century short story: the fate of the genre in the literary process : sbornik nauchnyh statej. Irkutsk : Irk.gos.un-t., 2005. 257 s.
20. Poleva E. A. Rasskaz A. A. Solonicyna «Malen'koj jolochke holodno zimoj» v kontekste tradicii svjatochnoj prozy = A. A. Solonitsyn's story «It's Cold for a Little Christmas Tree in Winter» in the context of the Christmas prose tradition // Vestnik Burjatskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologija. 2021. № 2. S. 31–37.
21. Rozhdstvenskie istorii: samye raznye hudozhniki – samym horoshim detjam = Christmas stories: very different artists to the best children. Minsk : Polifakt, 1991. 56 s.
22. Starygina N. N. Svjatochnyj rasskaz kak zhanr = Christmas story as a genre // Problemy istoricheskoj pojetiki. 1992. № 2. S. 113–127.
23. Starygina N. N. Hristianskaja semantika rasskaza «Hristos v gostjah u muzhika» N. S. Leskova = Christian semantics of the story Christ Visiting a Man by N. S. Leskov // Problemy istoricheskoj pojetiki. 2020. T. 18, № 2. S. 238–259.
24. Stennik Ju. V. Sistemy zhanrov v istoriko-literaturnom processe = Genre systems in the historical and literary process // Istoriko-literaturnyj process: Problemy i metody izuchenija. Leningrad : Nauka, 1974. S. 168–202.
25. Shishkina I. E. O kalendarno-duhovnoj literature i ee zhanrovyh raznovidnostjah = On calendar-spiritual literature and its genre varieties // Vostochnoslavjanskaja filologija. Literaturovedenie. 2022. № 14(38). S. 78–87.

Статья поступила в редакцию 25.04.2024; одобрена после рецензирования 06.05.2024; принята к публикации 15.05.2024.

The article was submitted on 25.04.2024; approved after reviewing 06.05.2024; accepted for publication on 15.05.2024